

Зачем выдры жонглируют камушками / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Зачем выдры жонглируют камушками / рассказ ЗАЧЕМ ВЫДРЫ ЖОНГЛИРУЮТ КАМУШКАМИ

• Камушек 1

Когда Поля родилась, в мире её мамы уже было всё, кроме Поли. Работа, муж, своя квартира, дачный участок недалеко от дома, хорошие отношения с соседями. Помидорная рассада на подоконниках тоже была, потому что весна, а там скоро огород, и надо уже пересаживать каждый саженец в отдельное ведёрко из-под майонеза.

Когда Поля появилась в мире её папы, там стояла полная разруха, потому что мир был ещё не достроен. Так, осталось по мелочи что-то приколотить и приклеить, что-то принести, вымести стружки и опилки. Но только рабочие побросали инструменты и ушли, не сказав, куда в этом мире класть ребёнка, если весь пол в занозах. И папа Полю в свой мир не взял. То есть, он, конечно, сделал вид, но она-то знала, что места ей в папином сердце нет.

• Камушек 2

Мотылёк бродит по оконному стеклу. Сонный, заплетаются лохматые лапки. Мокрый, летал в ночи под тёплым дождём. Жуткий, Поля не может оторвать глаз.

— Не спишь ещё? — Мама заглянула в комнату.

— Не...

— Давай спи, завтра тебя не добужусь.

— Не могу, я волнуюсь.

— Чего волноваться-то?

— Ну, я предвкушаю...

Мама села на кровать Поли. Та оторвала взгляд от мотылька за

стеклом, глянула на маму, смяла руками одеяло.

– Сначала мы в Юбилейный парк, да? Потому что там самое неинтересное, но всё равно нужно заехать. Потом на Даманский остров. Потом проголодаемся и в Макдоналдс. Или после Юбилейного в Макдоналдс?

– Как проголодаемся, так и поедим, решим на месте.

– Нет, я хочу, чтобы по плану, – мотылёк забыт, одеяло изгибается в сильных взволнованных ручках. – Ладно, Юбилейный, Даманский, а потом Макдоналдс.

– А сейчас спать.

– Не могу, предвкушаю...

В прихожей запиликал телефон.

– Не бери... – шёпотом.

Мама вышла в прихожую и откуда-то из темноты послышалось: “Да, поняла. Всё”.

– Прости, солнце.

Мотылёк забился о стекло и замер, входная дверь хлопнула, и замолкло. Тишина, пустота. Поля вылезла из-под одеяла и в одной пижамке пробралась в мамину комнату. Там, в прикроватной тумбочке, хранилось сокровище – тревожный чемоданчик. Тихонько, чтобы не разбудить сестру, Поля достаёт чемоданчик, подбирает с пола какую-то картонку и шепчет в неё: “Поняла, выезжаю!” Поля с чемоданчиком передвигается по квартире, как ниндзя.

Она тоже хотела быть следователем, как мама – иметь свой собственный тревожный чемоданчик, под крышкой которого в мягком бархатном футляре хранился пистолет. Это казалось таким романтичным – расследовать преступления, быть героем.

Только потом Поля поняла, что это боль и только боль – быть следователем, если у тебя есть дети. В любой момент может противно запиликают рабочий телефон, а ты не скажешь ему «нет», даже если на следующий день собираешься поехать с дочками кататься на каруселях и есть в Макдоналдсе, ведь у них лето.

Поля быстро научилась ни на что не надеяться. На всякий случай не верить, что завтра будут Даманский и Юбилейный, или что каждое утро воскресения будут блинчики на завтрак, или что

конкурсы для друзей на день рождения проведёт мама, а не бабушка. Только потом Поля поняла, что это боль и только боль – заранее знать, что ничего не будет, а всё равно не спать, надеяться и предвкушать. Как противно пищал мамин телефон, каким некрасивым был тревожный чемоданчик с пистолетом внутри. Как всё это сливалось в одно целое, и рабочий телефон вдруг начинал звонить посреди ночи, а спросонья казалось, что он кричит: “Тревога! Тревога!”

3.

– А однажды я поняла, что сама не справляюсь. Но и на психолога денег было. Осталось несколько свободных тысяч, и я потратила их на групповую терапию у какой-то женщины из инстаграма. Это было что-то вроде медитации, а вообще, честно говоря, больше похоже на секту. Все сели на пол, женщина говорила, что мы должны там у себя в голове увидеть, а я думала: «господи, что я здесь делаю». Но всё равно стала представлять. И напредставляла своё. Терапия называлась “Отношения с родителями”, так что в принципе мне подходило. Женщина из инстаграма сказала, что я должна увидеть себя и познакомиться с собой заново. Маленькая девочка, года четыре. Большие уши, толстые ручки, задорный носик, два хвостика по бокам с резинками-пчёлками и синее платье. Такая она была несчастная. Я никогда не встречала таких несчастных детей. Она стояла передо мной и теребила край платишка, а я не знала, что мне делать. И тогда девочка сказала, что она хочет конфету, она хочет сладкого, а ей не дают. И я дала ей конфету. Потом дала ещё, ещё конфет. И девочке стало лучше, она задрала носик вверх и улыбнулась. Такой красивый ребёнок. Передо мной была я сама, и я была грустной четырёхлетней девочкой, которой не давали конфет. И никого у неё не было, кроме меня. Я тогда решила: надо заботиться о ней, об этой девочке, что бы ни случилось, потому что ей не хватает ласки и внимания. И самое важное, что есть в моей жизни с этой минуты – её просьбы, её обиды и забота о ней. Вот что я тогда увидела.

Ребёнок сидит в кресле и ничего не понимает. Над ним сгустились высокие фигуры мамы и папы, эти фигуры по очереди издают звуки, только приблизительно похожие на человеческую речь.

– А-а-а бу!

– Кто тут у нас такой смешливый? Кто это? Это Алёшенька у нас тут. Алёшенька?

– Ма-ма. Па-па. А-лё-шень-ка.

– А это кто у нас там? Это сестрёнка. Да? Да-а, мой хороший. Сквозь маму и папу Алёшенька видит вдалеке фигуру девочки в кресле в дальнем углу комнаты. Она не изображает человеческий язык, не толпиться рядом с ним, не смеется. Алёше нравится девочка, и он тянет к ней ручки.

– К сестрёнке пойдёшь? Ну, пошли.

Его выхватывают из креслица и несут. Опять куда-то несут.

Папа женился почти сразу после того, как ушёл из семьи и бросил Полю. Родился Алёша, и когда в роддоме папе на руки положили тяжёлый свёрток, сердце защемило. Он думал, что в этот раз получится, но не получилось снова.

Папа прожил ещё немного в своей старой квартире один, а потом продал её и уехал в Москву. Он сказал тогда Поле: «Я поеду искать счастливой жизни». И Поля сказала: «Я рада за тебя». Это была неправда. На самом деле, ей было всё равно: он даже не был ей отцом.

5.

– Потом женщина из инстаграма сказала, что я должна встретиться со своими родителями, но по отдельности. Я увидела маму. Она была не совсем моей мамой. Она была очень старой, скрюченной бабушкой. Я удивилась, а мама ничего не сказала и просто подошла ко мне. Просто обняла меня, и эти объятия были такими слабыми, еле-еле. Очень усталая, очень несчастная мама. Я обняла её и почувствовала любовь.

Потом мама исчезла, и появился папа. Он тоже был не очень на

себя похож. Это был худой и слабый карлик, которого я не узнавала, но про которого подумала: «вот мой папа». Я поняла, что он не сможет меня защитить. Он стоял передо мной, зажимался, обхватывал себя руками, глаза бегали и не смотрели вперёд. Ему было страшно и стыдно стоять передо мной. И тогда мне захотелось ему помочь. Я стала представлять его себе таким, каким всегда хотела видеть настоящего отца. И он стал расти, стал большим и сильным, посмотрел прямо на меня таким твёрдым взглядом, попросил у меня внимания и любви. Я не испытала тех чувств, которые испытывала, когда представляла маму, но всё равно обняла его. Это были очень неуклюжие и неловкие объятия, как будто обнимаешься с колючим свитером и обращаешь внимание только на колючки.

Камушек 6

Мама ходила по комнате, впечатывая в пол каблуками ворсинки ковра. Поля сидела на диване, поджав ноги, и смотрела, как перемещаются по комнате каблуки; она старалась не слушать, но слышала.

– Ты понимаешь, что у меня два ребёнка? Что я их одна тащу? Это твои дети тоже. Да? А ты тысячу раз забывал, что у тебя есть дети. Да мне плевать, честно, мне плевать. Ты думаешь, я не знаю, сколько ты на самом деле зарабатываешь? Ты думаешь, я не докажу это в суде? Да мне раз плюнуть победить тебя в суде, понял? И позвоню Лене, и она тоже оформит принудительные. Да пошёл ты в жопу, понял.

Туфли замерли, туфли кипели от злости, ворсинки впечатывались одна в другую, в пол, в потолок соседей снизу.

– Вот урод. Вот урод! Я запрещаю тебе общаться с твоим отцом. Ты меня слышала?

– Ага.

– Ты меня слышала? Запрещаю.

Мама вышла из комнаты и с такой силой хлопнула межкомнатной дверью, что стекло в ней разбилось и осыпалось внутрь комнаты. Она даже не обернулась, когда Поля закричала в испуге.

Папа не устроился в Москве на официальную работу, чтобы не

платить алименты на трёх несовершеннолетних детей. Полиной маме сначала было всё равно, а потом стало не хватать денег. Лена, Алёшина мама, стала звонить, жаловаться, что одна растит малыша. Несколько лет они терпели, а потом развязали войну. Мама папу ненавидела, просто жутко ненавидела. За то, что не платил алименты, за то, что не звонил. Поля была меж двух огней в этой войне: мама, разъярённая, злая; и папа. Поля не знала, что было с папой. Наверно, ему было там одиноко.

Поля сидела одна в центре качели-перекладины, и та скрипела по-старчески тоскливо. Вокруг дома, дома, много серых домов, один выглядывает из-за другого, каждый смотрит на Полю. Из одного из этих окон бабушка в подзорную трубу следит, носит ли Поля шапку. Так было, если верить бабушке, каждую зиму, когда Поле было шесть, так было, когда Поле исполнилось четырнадцать, так было и в её семнадцать лет.

– Привет, пап. Ну, как дела?

– Да нормально, ты как?

– Хорошо, только что последний день отучилась, вот, иду домой.

– Каникулы?

– Ага.

– Ну, отдыхай.

– А ты что делаешь?

– Работаю, хожу гулять иногда.

– Понятно. Ну ладно, давай, я уже тут почти подошла...

– Жениха-то нашла?

– Да какие женихи, пап. Ну давай.

– Ну ты мне позвони ещё, как-нибудь.

– Конечно.

Поля не могла не звонить. Чем больше она думала об отце, тем больше ей становилось не всё равно. Ей было его ужасно жалко. Она звонила втайне, выходила в магазин и звонила. Его грустное отчаяние от невозможности поддержать разговор дольше пяти минут заставляло Полю всё чаще звонить, чтобы на вопрос «Как ты?» ответить «Нормально» – и положить трубку. А вместе с этим Поле было жалко и маму, которая кричала, испепеляясь в злобе: «Запрещаю, ты меня слышала!» И Поля скрывалась, урывала

минутки, стараясь не причинить никому боль.

Бабушка говорила: «всех не пережалеешь», а Поле так хотелось пережалеть всех.

7.

– Женщина из Инстаграма сказала, что теперь я должна встретиться с обоими родителями сразу. Сначала я увидела себя. Настоящую себя, не маленькую девочку, а обычную Полю, какая есть. Мама с папой встали за моей спиной и взялись за руки. Они тоже были обычные, как в жизни. Они посмотрели друг на друга, и в их взгляде было столько любви. Они любили друг друга, как когда-то давно, и я заплакала. Слезы просто текли по лицу, а я чувствовала одну сплошную любовь. Не к ним, любовь, а от них любовь. И от этой любви плакала.

Тогда женщина из инстаграма сказала, что я должна простить своих родителей, если их было, за что прощать. О да, мне было, за что их прощать.

Маму, за то, что у меня не было уверенного детства. За то, что мы не поехали однажды летом на карусели, а я так хотела поехать. За то, что оставляла нас с сестрой одних по ночам из-за работы. За то, что на мой одиннадцатый и двенадцатый день рождения конкурсы для друзей проводила бабушка. За то, что запрещала общаться с отцом.

И папу, за то, что он никогда им не был. За то, что не смог меня полюбить, за это его недовнимание ко мне. За мой страх того, что всю жизнь придётся встречаться со взрослыми мужчинами, чтобы сублимировать недостаток отцовской ласки. Так я плакала, так плакала. Я простила их, а потом женщина из инстаграма сказала, что можно уже открывать глаза.

Камушек 8

Они отправились сразу туда, где оба не были: сворачивали в крошечные переулочки, которые сложно заметить; пытались заблудиться между Тверской и Арбатской. Но ничего не выходило, и широкие проспекты всё равно вытаскивали их на шумные площади города.

Им было о чём поговорить, и они говорили. Поля рассказывала про всё то, что случилось и случалось, про всё, что он не знал, потерял из виду. Папа рассказывал Поле о том, о чём она не могла бы догадаться сама, он шутил, сожалел и поддерживал её под локоть, когда Поля шла по высоченному парапету.

После семинара у женщины из инстаграма Поля просто поняла, что можно иначе. Она поселила своего сильного папу-защитника у себя за плечом, носила его в себе, и он наконец-то стал ей отцом. Она увидела в нём человека, который просто не справился, который имел право не справиться, потому что никто не рассказал ему, как быть отцом, никто не научил его любить. Она приехала в Москву на выходные, соврав маме, что едет с подругой – и все получилось, всё было ими двумя преодолено. Он впервые за двадцать лет был ей отцом.

Камушек 9

Мотыльки не стучали в окна, потому что была зима, мотыльки забирались под кору деревьев, они хотели спать. Бабушки всех городов мира протирали свои подзорные трубы и наказывали внучатам носить шапки. Поля сидела на диване, поджав ноги. И ей позвонил папа.

– Твоя мать – шлюха. Передай ей, передай ей, что мне терять нечего. В моей жизни не осталось ничего, никого, и я буду счастлив убить хотя бы одну ментовскую шавку, её одну – и то миру станет легче. Передай ей, что я всё спланирую и приеду, и убью её, понятно? Отсижу, но сделаю мир чище. Приятное – с полезным.

Папа за полиным плечом рассыпался, как стекло в межкомнатной двери. Всё стало каким-то мутным, и на одно мгновение в мире не осталось ничего вообще. А потом в мире появилось всё сразу, и всё сразу обрушилось на Полю. Она поняла: ему просто сорвало крышу, он свихнулся окончательно, и он действительно способен на это. В смысле, приехать и убить. Он реально мог приехать и убить полину маму. И Поля сидела на диване, смотрела на отпечатки каблуков на ковре, которые так и остались тут навсегда, и не понимала, что ей делать.

Нужно рассказать маме, ведь он действительно может приехать. Но рассказать маме значило: заявление в полицию по поводу угроз в сторону должностного лица, а Поля – главный свидетель, и никогда больше она не сможет говорить с папой после того, как на допросе подпишет показания. Что с ним будет? Махнут рукой, оштрафуют, посадят? Мама его ненавидит, а значит, у неё появится, наконец, шанс отомстить. Рассказать маме значило: стать пособником мести, возведённой в степень закона, в степень власти.

Не рассказать маме значило... нет, Поля знала, что даже выбора у неё нет, что нельзя не рассказать. Она знала, что он реально может приехать и убить, она по голосу его слышала, она по глазам его видела, когда уезжала из Москвы, а он оставался там, на перроне, один. Он остался один, он не мог завести семью, он реально, реально мог приехать и убить.

Но что если внутри Полиного папы, как и внутри Поли, есть маленький мальчик, который хочет конфет. Но конфет не дают, а вокруг него – огромная куча опилок, всё вокруг в занозах. Что если мальчику стало так больно, что он стал плакать, кричать – и папе сорвало крышу. Ведь если этого мальчика никто не спасёт, если рабочие не вернутся, хотя бы спустя двадцать лет так и не вернутся, мальчик будет погребён под этими опилками – и тогда всему конец.

Странно даже. Жизни стольких, стольких людей зависят от крошечной никчёмной вещи: ребёнок хочет конфет, а ему дают опилки.

Поля пошла и рассказала всё маме. Мама поверила, испугалась, попросила на работе охрану, сменила в доме замки. Она написала заявление, и Поля свидетельствовала против папы. Поля подписала свои показания, потом позвонила папе и сказала:

– Пап, привет. Не кричи пожалуйста на меня, послушай, хорошо? Давай я приеду, и мы с тобой поговорим? Можем сходить куда-нибудь посидеть тихонько, не обязательно дома. Погуляем. Я должна с тобой поговорить, это важнее всего. Хорошо? Я приеду? Хорошо. Пиу-пиу, выезжаю. А? Да нет, ничего.

10.

Чтобы от реки добраться обратно до деревни, нужно было долго идти вверх по поросшей сорняками насыпи, всё время останавливаться и отдыхать. Маленькая девочка и маленький мальчик шли гуськом по узкой тропинке и ручками хватались за дикорастущие кусты. Внизу блестела река. Мальчик жевал конфеты.

– Зачем выдры жонглируют камушками? – спросил он, чавкая.

– Чего?

– Ну ты видела там у реки были выдры? Они из лапки в лапку камушки перекидывали. Зачем они это делали?

– А, выдры... Мне вроде бы бабушка рассказывала, что они так разбивают раковины моллюсков, чтобы потом их съесть.

– Понятно.

– А ещё, если они голодные и моллюсков нет, они так делают просто по привычке... Просто жонглируют одними камушками и жонглируют.

– Странные, съели бы что-нибудь другое...

– Ты представь только... – девочка остановилась, обернулась и посмотрела вниз, где на речном берегу рассыпана была синеватая галька, похожая на монетки в кассе. – Некоторые выдры хранят одни и те же камушки всю жизнь: прячут их в складках шерсти. А это значит, что они всегда будут жонглировать одними и теми же камушками, когда будут чувствовать голод, а вокруг ни одного моллюска. Перекидывать из лапки в лапку, потому что привыкли так делать. Будут беречь свои камушки, полоскать их в речке, хранить в складочках – всю жизнь. Бедные, бедные выдры.

Об авторе: НАСТЯ КУКУШКИНА

Студентка четвертого курса Литературного института им. А.М.Горького. Семинар прозы Р.Т.Киреева. Публиковалась в журнале «Этажи». Живет в Москве. Neкаýalar